

РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЧЕШСКИХ АРХИВОВ¹

В истории российской научной эмиграции 1920–1930-х гг. Чехословакия сыграла особую и ни с чем не сравнимую роль. Благодаря программе «Русская акция» («*Ruská pomosná akce*»), инициированной летом 1921 г. властями республики, тысячи беженцев получили необходимую материальную поддержку. Причем главный упор был сделан на помощь студентам и ученым, которые обрели шанс продолжить работу или учебу за границей. Широкий патронаж со стороны официальных властей и отдельных меценатов предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд». На разных временных отрезках межвоенного периода в Чехословакии жили и работали геологи Н.И. и Д.Н. Андрусовы, почвоведы П.В. Отоцкий и Б.Н. Одинцов, экономисты С.Н. Прокопович и П.Б. Струве, историки А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский, искусствоведы Н.П. Кондаков и Н.Л. Окунев, философы Н.О. Лосский и Б.В. Яковенко, инженеры А.С. Ломшаков и Г.Г. Кривошеин, биологи М.М. Новиков и В.С. Ильин, социологи П.А. Сорокин и Г.Д. Гурвич, правоведы Д.Д. Гримм и П.И. Новгородцев, и многие другие.

Развитость эмигрантской интеллектуальной инфраструктуры в Чехословакии, концентрация там большого числа покинувших Родину ученых и их активная научно-исследовательская работа предопределили складывание большого корпуса архивных документов. Когда говорят о русской диаспоре в этой стране, то неизменно вспоминают о Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), вывезенном после Второй мировой войны в СССР. Не будем тут повторяться о важности этого собрания для науки, переадресовав читателей к некоторым специальным работам [20, 21, 22, 31, 36, 37]. Вместе с тем надлежит подчеркнуть, что документальное наследие Зарубежной России не исчерпывалось одним лишь РЗИА. Эмигрантские организации и объединения, в том числе научные, передавали туда свои материалы исключительно на добровольной основе. Так же поступали и отдельные персоны. Потому в РЗИА изначально бы-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)» и РФФИ, проект 17-01-00236а «А.В. Флоровский: неизданные работы».

ли сосредоточены далеко не все возможные документы. Например, туда так и не поступили бумаги Русского исторического общества в Праге. Они оказались рассредоточены по фондам отдельных ученых, связанных когда-то с ним (фонды А.В. Флоровского в Архиве РАН и Рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге, фонды П.А. Остроухова, С.Г. Пушкирева, Е.Ф. Шмурло в Государственном архиве Российской Федерации, и т.д.) [2, с. 148]. Но даже те организации, которые направляли документы в РЗИА, зачастую делали это поэтапно, и когда внезапно возникали непреодолимые обстоятельства, процесс передачи прекращался. В итоге фонд оказывался неполным и раздробленным. Так произошло с архивом Русского свободного (народного) университета. Большая его часть попала в РЗИА, а затем в его составе была вывезена в Москву, а вовремя не сданные материалы после Второй мировой войны были переданы в Архив столичного города Праги. Подобное случилось и с личным архивом историка Евгения Францевича Шмурло (1853–1934), большая часть которого после его смерти в 1934 г. оказалась в РЗИА, а другая часть, видимо, хранившаяся у коллег по ученому цеху, очутилась в рукописном собрании Славянской библиотеки [8, с. 164–167].

В чешских архивах² сохранились многочисленные свидетельства о жизни и деятельности русских ученых за границей. Во-первых, уже сама выработка программы помощи русским эмигрантам и ее реализация строго документировались чехословацкими ведомствами, например республиканскими министерствами. Эмигранты держали перед ними отчетность: посылали подтверждения о расходовании средств, сметы, благодарственные письма, записки о проделанной научной работе. Во-вторых, по мере интеграции отдельных эмигрантов в чехословацкую интеллектуальную среду и включения их в работу местных учебных и научных организаций, формировался особый корпус документов (личные дела, учетные карточки, отчеты, автобиографии, рекомендации) в архивах высших школ (Карлов университет, Масариков университет, Чешское высшее техническое училище), академических институтов (Славянский институт), производственных объединений и предприятий. Несмотря на трудности адаптации русских эмигрантов, ни в коем случае нельзя преувеличивать культурную замкнутость и обособленность научной диаспоры, а потому нельзя не заметить наличия ее контак-

² В данной статье автор сосредоточил свое внимание исключительно на архивах Чешской республики. Обзор словацких архивов в его задачи не входит, хотя, разумеется, он также является насущной задачей.

тов с чехословацкими учеными, многочисленные свидетельства чему имеются в их личных фондах. В-третьих, некоторые ученые-эмигранты целенаправленно передавали свои документы в местные архивные собрания. Как правило, речь идет о тех, кто остался после Второй мировой войны в Чехословакии (А.В. Флоровский, П.Н. Савицкий).

Первые попытки научного изучения сохранившихся в Чехословакии эмигрантских материалов относятся к 1960-м гг. Они были связаны с работой Людмилы Павловны Лаптевой (1926–2016) над биографией выдающегося слависта, академика Владимира Андреевича Францева (1867–1942) [17, 18, 49], чьи личные бумаги находились в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге. Примерно в то же самое время к ним обращался чехословацкий историк Теодор Силлаба (Theodor Syllaba; 1925–2002), составивший наиболее подробную библиографию русского ученого [59]. Однако глубокое изучение эмигрантских архивов, равно как и российской послереволюционной эмиграции вообще, было затруднено по идеологическим причинам. Показательно, что когда в 1969 г. в Праге возникло первое сообщество по исследованию культурного наследия русской эмиграции в Чехословакии, в которое вошли профессор З. Матхаузер, М. Арнаутова, М. Ботура, Х. Врбова и В. Морковин, то его деятельность почти мгновенно была пресечена [44. С. 470]. И лишь с конца 1980-х гг. начинается стремительное возвращение творческого наследия российской эмиграции, а сама она становится предметом многочисленных исследований. Процесс был бы невозможен вне контекста «архивной революции», открывшей доступ к фондам бывшего РЗИА, правда, на тот момент уже распыленным по разным хранилищам.

В 1990-е гг., несмотря на материальные потрясения, постигшие отечественную науку, начинается постепенное изучение российскими учеными зарубежных архивных коллекций (Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Емельянов, Е.В. Петров, Т.И. Ульяновкина и др.). Увы, чешским архивам в этом процессе было уделено не слишком большое внимание. И.В. Сабенникова и В.Л. Гентшке, анализируя использование отечественными авторами материалов зарубежных архивов, пришли к выводу, что доля обращения к чешским собраниям составляет 4,5% от общего числа исследований, пропуская далеко вперед США (31,2%). И даже если брать в расчет только европейские страны, то внимание к чешским архивам опять заметно меньше (8,3%), чем к французским (13,5%), немецким (12,2%), британским (10,3%) [26. С. 275–276]. Эти подсчеты, правда, анализируют все

работы, основанные на анализе зарубежной архивной России, а не только исследования про научную эмиграцию 1920–1930-х гг. Тем не менее, тенденция вполне очевидна.

Разумеется, отечественные специалисты осознают важность и значимость чешских архивов для изучения российской академической диаспоры, свидетельством чему являются исследования И.Л. Кызласовой, С.С. Левашко, Е.П. Серапионовой, Т.И. Ульянкиной и др. [16, 19, 29, 30, 33]. Некоторые архивные собрания, как, например, фонд Археологического института имени Н.П. Кондакова в Отделе документов Института истории искусств Чешской академии наук, были весьма неплохо изучены отечественными историками (Е.Ю. Басаргина, И.Л. Кызласова, В.А. Росов, И.В. Тункина) [1, 23, 32]. Но все же обращение к чешским архивам остается эпизодическим, системной работы по выявлению эмигрантских материалов не ведется. Парадоксально, но чешские коллеги также используют эти собрания весьма ограниченно. Их интерес сосредоточен, как правило, на отдельных фигурах, например на литературоведе Альфреде Людвиговиче Беме (1886–1945), о котором написано, действительно, много, или на русских участниках Пражского лингвистического кружка. В то же время иные фигуры, оставившие заметный след в истории двухсторонних научных связей, остаются в тени. Упомянем тут работавшего в Высшей земледельческой школе в Брно ихтиолога Бориса Сергеевича Костомарова (1897–1974), о котором нет ни одной специальной работы, или профессора Алексея Степановича Ломшакова (1870–1960), о деятельности которого в Чешском высшем техническом училище и на заводах «Шкода» также ничего не написано.

В 1990-х гг. были сделаны первые комплексные попытки научного описания эмигрантских архивных материалов в Чехии. В 1995 г. архивисты Вацлав Поданы (Václav Podaný) и Гана Барвикова (Hana Barvíková) подготовили специальный путеводитель по документальным собраниям республики, содержащим эмигрантские материалы [57]³. В поле их зрения попали Архив Чешской академии наук, Литературный музей национальной литературы, Славянский институт, Славянская библиотека в Праге, Архив столичного города Праги, а также некоторые региональные архивы (в Пльзене, Чешской Липе, Опаве, Литомышле). Они подчеркивали, что после вывоза документов РЗИА в СССР возникла насущная потребность понять, какие эмигрантские материалы остались в Чехословакии, что из них

³ Почти одновременно вышло и русское издание [24].

сегодня доступно для исследования. Архивисты целенаправленно выбрали только фонды эмигрантского происхождения, исключив из своего перечня собственно чехословацкую документацию.

В своих поисках В. Поданы и Г. Барвикова столкнулись с серьезной проблемой: многие документальные коллекции к началу 1990-х гг. оставались не описаны, архивные каталоги далеко не всегда отражали имеющиеся русские материалы. Потому составители прибегали к помощи своих коллег в конкретных архивах, надеясь исключительно на их знания и профессионализм. В. Поданы и Г. Барвикова видели в своей работе лишь первый этап, за которым должно последовать составление подробного научно-справочного аппарата. Их задачей было наметить пути дальнейших более глубоких, специализированных исследований.

Описания архивных фондов были даны по единой схеме: наименование или имя фондообразователя, историческая справка, местонахождение, объем материала в единицах комплектования (коробки или архивные единицы⁴), состояние обработанности, ссылки на библиографию, описание наиболее ценных материалов. Поскольку часть фондов, попавших в путеводитель, была необработана, о них приводились только общие данные.

Для историков науки данный справочник весьма полезен, поскольку в нем дается краткое описание архивов таких организаций, как Археологический институт имени Н.П. Кондакова, Русский народный университет в Праге, Союз русских академических организаций за границей, Общество русских химиков в Брно, а также некоторых ученых (исключительно гуманитариев) – А.Л. Бема, А.В. Флоровского, В.А. Францева, Р.О. Якобсона, Н.П. Кондакова, Е.Ф. Максимовича и А.А. Кизеветтера, П.Н. Савицкого, М.В. Шахматова, К.К. Висковатого.

В 1999 г. В. Поданы и Г. Барвикова подготовили объемный межархивный путеводитель под заглавием «Эмиграция из России в межвоенной Чехословакии: Источники в чешских, моравских и силезских архивах» [45]. Это был крупнейший шаг вперед на пути познания архивного наследия эмиграции. Упор в нем был сделан

⁴ Чешская архивная практика заметно отличается от российской. В частности, документы каталогизируются по фондам, а внутри фонда они распределяются по архивным коробкам (картонам) и папкам. Однако и в этой практике могут быть исключения, например, когда все документы в фонде представлены под сквозной нумерацией. Полистовая нумерация документов не является обязательной и применяется крайне редко.

уже не столько на собственно эмигрантские фонды, сколько на отражение русской тематики в чешских архивных документах. Если в путеводителе 1995 г. были представлены материалы из 16 архивов, в том числе из двух частных, то новая книга вобрала в себя данные из 83 архивов, по большей части – из региональных. Вместе с тем, некоторые архивы, упомянутые в книге 1995 г., в новое издание по неясным причинам не попали (Литературный архив Музея национальной литературы, Отдел документации Института истории искусств Чешской академии наук). В глаза бросается желание составителей максимально полно представить эмиграцию в зеркале чехословацких документов, потому в путеводителе так обильно упоминаются полицейские отчеты о поведении русских, материалы чехословацких министерств, дипломатические донесения. В этом тоже заключалась авторская задумка: продемонстрировать возможности изучения различных форм русско-чехословацких коммуникаций, особенно в сфере науки и культуры.

По сей день это издание остается самым полным и всеобъемлющим путеводителем по эмигрантской теме в чешских архивах. В отличие от справочника 1995 г., авторы опустили исторические справки о фондообразователях, но зато дали ясные и четкие перечни выявленных документов, снабдив их в большинстве случаев точными архивными шифрами. Данный справочник позволяет исследователям оперативно заказывать необходимые для работы дела в читальные залы. Можно предположить, что краткость описания была вызвана как стремительно разросшимся объемом книги, так и желанием представить не столько историю формирования архивных коллекций, сколько сделать обзор конкретных материалов. В авторском подходе просматривается желание обратить взоры исследователей на совершенно новые, недостаточно изученные сюжеты, касающиеся отдельных человеческих судеб или деятельности учреждений, ассоциаций и др. Составители не без иронии именовали свой путеводитель «телефонной книгой со всеми его достоинствами и недостатками» [45. S. 20]. Попутно заметим, что для чешской архивной культуры, в отличие от российской, характерно научное издание описей фондов [47, 48, 60, 61, 62, 63]. Эта практика не всеобъемлющая, но весьма распространенная, причем в архивах разного уровня.

Таким образом, уже имеется обширный научно-справочный аппарат, который значительно облегчает работу с документами по истории российской научной эмиграции. Он продолжает совершенствоваться, и в этом помогают информационные технологии. Архивы размещают оцифрованные описи фондов на своих сайтах, участ-

вуют в создании объединенных информационных систем⁵. Во всех без исключения архивах практикуется предварительный заказ нужных дел по электронной почте.

Основной массив документов, связанных с российской эмиграцией, хранится в центральных и муниципальных архивах Чешской республики. Едва ли не самым значительным собранием обладает Национальный архив (Národní archiv České republiky). Именно там хранится фонд № 908 «Министерство иностранных дел – Русская акция» (Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce), сформированный в 1972 г., и включающий 448 картонов. Его документы позволяют детально проследить ход подготовки и реализации гуманитарной программы, объемы помощи, оказывавшейся русским эмигрантам, документы по конкретным научным организациям (Русская академическая группа, Совет русских профессоров, Союз Русских академических организаций, РЗИА). Его логически дополняет фонд № 820 «Русские и украинские эмигрантские общества и организации в Чехословакии» (Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR). В нем представлены материалы 107 различных обществ, большинство из которых были студенческими или академическими. Упомянем тут Пражское общество русских инженеров, Общество русских инженеров и техников в Чехословакии и др. Но едва ли не самым информативным с точки зрения истории науки и техники следует признать фонд № 746 «Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии» (Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR). Поскольку Комитет решал множество задач в рамках помощи студентам, постановки обучения, популяризации научных знаний, подбора научно-педагогических кадров, то документы о его деятельности являются бесценными свидетельствами бурной интеллектуальной жизни русской диаспоры. Но, главное, они позволяют реконструировать внутреннюю жизнь научного сообщества. Так, в этом фонде сохранилось немало свидетельств о присвоении ученых степеней и званий в эмигрантской среде. Они наглядно показывают,

⁵ Так, описи рукописных собраний размещены на сайте Славянской библиотеки (<http://sbirkysk.nkp.cz>). Информационная система <http://badatelna.eu> позволяет ознакомиться с научно-справочным аппаратом Национального архива, Архива Министерства иностранных дел, Архива Карлова университета, Литературного архива Музея национальной литературы и др. Разумеется, представленная информация далеко не исчерпывающая, но она постоянно обновляется и дополняется.

сколь долгим, тернистым, усеянным разными препятствиями был путь молодого русского ученого в науку. Это видно на примере защиты Георгием Васильевичем Флоровским (1893–1979) магистерской диссертации «Историческая философия А.И. Герцена», подготовка которой началась в июне 1922 г. и растянулась ровно на год из-за разного рода бюрократических формальностей, обставленных некоторыми учеными старшего поколения как необходимые к соблюдению научные традиции [55. Kart. 16. Inv. и. 125/1, 125/2]. Система научной аттестации, возникшая в эмиграции, по сути копировала дореволюционную, но при этом долгий путь к научной карьере был сопряжен с нелегким эмигрантским бытом и, главное, отсутствием перспектив. С середины 1920-х гг. стало понятно, что звания и степени, полученные в Зарубежной России, не нужны ни Советской России, куда путь для эмигрантов был закрыт, ни зарубежным странам. Среди прочих архивных фондов, в которых можно найти материалы о русской научной эмиграции назовем фонды № 517 «Министерство финансов» (Ministerstvo financí I, Praha), № 371 «Министерство образования» (Ministerstvo školství), а также материалы Министерства внутренних дел (№ 1075). Деятельность эмигрантов находилась под наблюдением полиции, а потому исключительную ценность представляют бумаги из фондов полицейского управления в Праге (Policejní ředitelství Praha). Чрезвычайно важна полицейская картотека, в которой имеются дела на всех приехавших в страну иностранцев. Зачастую она позволяет уточнить биографические данные, даты приезда в Чехословакию или отъезда из нее, гражданский и семейный статус, увидеть фотографию нужной персоны. Например, благодаря этой картотеке исследователям удалось реконструировать обстоятельства жизни в Праге русского почвоведца Павла Владимировича Отоцкого (1866–1954) [34, 46].

В Архиве столичного города Праги (Archív hlavního města Prahy) находится несколько фондов эмигрантского происхождения, напрямую связанных с историей науки. К ним относится неразобранный фонд № 754 «Союза русских академических организаций за границей» (Svaz ruských akademických organizací v zahraničí). Он не велик по объему, занимая лишь одну архивную коробку, но бесценен по содержанию. В нем представлены регистрационные карты членов Союза, в которых содержатся основные данные об их деятельности, списки членов Союза, сведения о Русских академических группах в разных странах (Эстония, Германия, Югославия, Чехословакия, Бельгия, Франция, Италия, Польша, Великобритания), автобиографические материалы многих русских ученых, официальная

переписка. Материалы этого фонда вносят существенный вклад в изучение социального облика российского научного сообщества за рубежом. Другим важным собранием является фонд № 750 «Русский свободный университет в Праге», уложенный в 22 архивные коробки. Он включает в себя протоколы заседаний органов управления университетом, бухгалтерские документы, научные отчеты, объявления и повестки о мероприятиях, программы лекционных курсов, семинаров, научных кружков, деловую корреспонденцию ректоров университета биологов М.М. Новикова и В.С. Ильина, печатные труды сотрудников. Среди прочих материалов в нем следует назвать документы Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете, Русского культурно-исторического музея, Русского исторического общества, Философского общества. Многие документы повествуют о работе конкретных ученых, связанных с университетом – А.Л. Беме, Е.Л. Буницком, Н.Е. Андрееве, Б.Н. Одинцове, С.Г. Пушкареве и др. Должно принять к сведению, что значительная часть материалов относится к периоду Второй мировой войны и потому дает возможность обратиться к пока еще малоизученным страницам жизни российской эмиграции под немецкой оккупацией. Они демонстрируют идейный раскол в эмигрантских кругах, когда одни персоны, как директор Культурно-исторического музея В.Ф. Булгаков, были арестованы нацистами, а другие, как биолог В.С. Ильин, пошли на сотрудничество с ними. В частности, документы фонда позволили автору этих строк реконструировать положение Русского исторического общества в Праге в годы Второй мировой войны, обрисовать причины его кризиса [2, 3]. Важные сведения о повседневной жизни русских ученых содержатся в фонде № 1646 «Чешско-русское профессорское строительное и квартирное товарищество» (*Českoruské profesorské stavební a bytové družstvo v Praze*), созданного для решения жилищного вопроса.

В Земском архиве в Опаве (*Zemský archiv v Opavě*) находится фонд Высшей горной школы (*Vysoká škola báňská*), с которой тесно сотрудничали ученые-эмигранты – А.И. Глазунов, А. Давидович, А.Н. Митинский. Самой ценной «русской частью» фонда являются неопубликованные мемуары профессора Александра Николаевича Митинского (1875–1953), начатые им в Грузии в 1920 г. на закате Гражданской войны, а законченные на следующий год уже на чужбине, в Болгарии [64. Inv. и. 136–138]. Авторского заглавия они не имеют. Хронологически мемуары охватывают период с петербургского детства А.Н. Митинского, то есть с конца 1870-х – начала 1880-х гг., до лета 1921 г. Они являются важнейшим источником по

истории российской модернизации начала XX в., науки и техники, социального вопроса; обрисовывают успехи и трудности коммуникаций между властью и предпринимательскими кругами, характер экономического развития различных районов империи, научно-технический диалог России и Запада, особенности трансфера знаний и технологий. В воспоминаниях рисуются портреты видных современников – ученых и политиков, даются оценки текущей государственной политики.

В филиале Государственного областного архива в Пльзене, расположившемся в маленьком городке Непомук (*Státní oblastní archiv v Plzni, pracoviště Klášter*), хранятся документы промышленных предприятий, среди которых особое место принадлежит огромному по объему фонду Объединения «Шкода» (*Archivu společnosti Škoda*), охватывающему 4.245 погонных метров и период с 1802 по 2009 гг. Для исследователя российской научной эмиграции материалы этого фонда примечательны тем, что отражают работу русских инженеров на производстве. Мы находим личное дело А.С. Ломшакова, успешно внедрявшего свои наработки в области теплотехники. В 1922–1923 гг. на заводах «Шкода» начали использоваться его механические ступенчатые топки с автоматическим передвижением топлива по решетке, которые затем были поставлены в серийное производство.

В Чешской республике, как и в России, некоторые государственные учреждения имеют собственные автономные архивы, и потому не передают делопроизводственные бумаги в Национальный архив. В подобных ведомственных архивах также имеется немало важных документов, связанных с российской научной эмиграцией. К ним относится Архив Канцелярии Президента Республики (*Archiv Kanceláře prezidenta republiky*), расположившийся прямо в Пражском Граде во дворце Рожмберков.

Материалы межвоенного периода отразили многочисленные свидетельства контактов чехословацких властей с эмиграцией. Видный политический и общественный деятель Пржемысл Шамал (*Přemysl Šámal*; 1867–1941), возглавлявший Канцелярию с момента ее создания в 1919 г. и до декабря 1938 г., был в числе активных сторонников всеобъемлющей поддержки русских беженцев. Именно через него шли их многочисленные письма и обращения на имя президента. В мае 1926 г. в послании на его имя крупный славист Алексей Леонидович Петров (1859–1932) писал: «Будьте так добры передать г. Президенту мою искреннюю благодарность за внимание и поддержку моих научных предприятий. Позвольте также просить и

Вас принять от меня сердечную признательность за Ваше всегда доброе отношение и охоту пойти мне на встречу <...> В СССР научная жизнь была уже кончена, в тамошней атмосфере меня ожидала бы, наверное, такая же судьба, какая год назад постигла моего двоюродного брата, известного романского филолога, проф. Дм. Петрова – мозговое расстройство и смерть – ему было лишь 54 года! Здесь я был принят с полным радушием и продолжаю работать» [38. Т. 552/26]. Примечательны и материалы о философе Борисе Валентиновиче Яковенко (1884–1949); среди них содержатся не только свидетельства о материальной поддержке ученого, но его многочисленные письма к президенту Томашу Масарику, в которых он щедро делился своими творческими планами [38. D 381/41; D 4931/37; D 3807/32].

Заслуживают внимания многочисленные обращения русских ученых к чехословацким властям, связанные, как правило, с решением материальных вопросов. Сохранился небольшой, но примечательный документ, составленный для главы канцелярии П. Шамала. Его заместитель, доктор Индржих Ржиг (Jindřich Říha) сообщал, что 15 июня 1927 г. к нему приходил академик В.А. Францев и от имени русских профессоров попросил о субсидии на издание первого выпуска трудов Русского исторического общества. И. Ржиг в резюме на имя П. Шамала писал: «Русские профессора-эмигранты борются за хлеб насущный и при этом имеют столько идеализма и любви к науке, и поэтому стремятся к тому, чтобы исследовать и публиковаться. На издание научных публикаций они совсем не имеют денег. Причем без гонорара. <...> На сборник они собрали между собой 2.500 чешских крон. Полная сумма составляет 10.000 чешских крон. Рекомендую, чтобы им на издание сборника было выделено 5.000 чешских крон из средств Национального фонда Масарика» [38. Т. 612/2]. Канцлер наложил разрешительную резолюцию, 13 июля 1927 г. средства были перечислены на имя председателя Русского исторического общества Е.Ф. Шмурло. Здесь же можно обнаружить материалы о патронаже над Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова [38. D 13718/38, č.j. D. 12709/38; D 13718/38; D 12709/38 a sign. D 13419/47/A], финансировании исследований фольклориста Петра Григорьевича Богатырева (1893–1971) [38. D 13718/38] и др.

Материалы архива рассказывают о встречах президентов Томаша Масарика и Эдварда Бенеша с эмигрантами, которые довольно подробно документировались. В них находим имя академика-слависта Владимира Андреевича Францева, который пользовался

огромным уважением в чехословацких общественно-политических кругах [38. D 13718/38; č.j. 947/37 a sign. T. 1934/21]. Среди других ученых, встречавшихся с президентами, видим зоолога М.М. Новикова, философа Н.О. Лосского, историка С.П. Мельгунова, инженера А.С. Ломшакова. Далеко не все эмигранты имели возможность удостоиться личной аудиенции главы государства. В этом случае они направляли свои прошения или письма через Канцелярию, как сделал, например, 9 ноября 1927 г. почвовед П.В. Отоцкий. П. Шамал записал по этому поводу: «В Канцелярию президента республики приходил Павел Отоцкий, бывший профессор Петроградского университета, ныне – Карлова университета в Праге, и представил свой научный труд “Режим подземных вод и его зависимость от воздушных факторов”. Он сопровождал его просьбой, чтобы экземпляр этот при возможности был передан господину президенту вместе с выражением глубокого почтения профессора Отоцкого» [38. D 5854/27].

Архив Министерства иностранных дел (Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky), расположившийся неподалеку от Пражского Града в старинном Чернинском дворце, также должен попасть в поле зрения исследователей эмиграции. Невзирая на то, что основной комплекс документов по «Русской акции» хранится ныне в Национальном архиве, в Архиве МИД по-прежнему остается немало важных документов, характеризующих отношение чехословацких политических кругов к русским ученым. В фонде II-й секции (политической) (№ 28; II. sekce – politická) имеются материалы о РЗИА (kart. 179–181), Археологическом институте имени Н.П. Кондакова (kart. 491), поддержке русских профессоров (kart. 236). Документы чехословацкого МИДа [42. Kart. 246a] позволили автору этих строк прояснить вопрос о финансировании деятельности Русского института в Праге в конце 1920-х гг. со стороны чехословацкого правительства [13].

Говоря о ведомственных архивах, нельзя обойти вниманием документальные собрания учебных и научных учреждений. Едва ли не самые обширные материалы по истории российской научной эмиграции отложились в собрании Масарикова института и Архива Чешской академии наук (Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky). Он ведет начало с 1953 г., когда был образован Архив Чехословацкой академии наук. Тогда в его состав, помимо документации самой академии, были включены материалы нескольких научных обществ (Королевское чешское научное общество, Масарикова академия труда и др.) и личные фонды видных ученых. С начала 1993 г. архив стал именоваться «Архивом Академии наук

Чешской Республики». В 2005 г. для него было построено новое здание на окраине Праги. На следующий год, в связи с реорганизационными процессами в научной сфере, он был объединен с Масариковым институтом.

По предварительным подсчетам, материалы о российской научной эмиграции содержатся примерно в 50 различных фондах архива. В фондах научных организаций и обществ имеются документы об избрании и членстве в них русских ученых: Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, В.А. Францев (Чешская академия наук и искусств), А.И. Глазунов, Е.А. Ляцкий, А.Л. Петров, Н.С. Трубецкой, В.А. Францев (Королевское чешское научное общество), А.С. Ломшаков, Г.Г. Кривошеин (Масарикова академия труда), А.Л. Бем, Р.О. Якобсон, А.В. Флоровский (Пражский лингвистический кружок). Особый интерес представляет фонд Славянского института. В нем содержится информация об участии русских ученых (А.В. Флоровский, В.А. Францев, С.Г. Пушкирев, С.Н. Прокопович, М.А. Андреева) в деятельности этой научной организации, в том числе о поддержке издательских проектов, чтении публичных лекций и др. Здесь же имеются материалы о сотрудничестве с Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова, Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича, Русским заграничным историческим архивом. Упомянем также материалы о проекте по созданию Архива и галереи славянского искусства, инициированном Н.Л. Окуновым.

Нельзя обойти стороной личные архивные фонды чехословацких ученых, в которых имеются многочисленные свидетельства о контактах с русскими коллегами. В первую очередь речь идет о переписке как личного, так и сугубо делового характера. Упомянем здесь письма М.А. Андреевой, А.В. Флоровского, А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло, И.И. Лаппо, П.Б. Струве и др. в фонде византиста Ярослава Бидло (Jaroslav Bidlo; 1868–1937), А.Л. Бема, В.А. Францева, С.Г. Вилинского и др. в фонде литературоведа и дипломата Иржи Горака (Jiří Horák; 1884–1975), Д.Н. Андрусова, А.И. Глазунова в фонде геолога Радима Кеттнера (Radim Kettner; 1891–1967), Д.Д. Гримма, П.И. Новгородцева, М.Н. Ясинского, М.В. Шахматова и др. в фонде правоведа Карела Кадлеца (Karel Kadlec; 1865–1928), письма Г.И. Ширяева в фонде ботаника Йозефа Подперы (Josef Podpěra; 1878–1954). В фонде историка и дипломата Камила Крофты (Kamil Krofta; 1876–1945), который некоторое время был министром иностранных дел, сохранилось немало материалов о поддержке русской научной эмиграции, например о финансировании Русского заграничного исторического архива [53. Kart. 18. Inv. č. 572, 573].

Документы академического архива показывают наличие широких и разнообразных контактов между русскими учеными и чехословацким окружением. Эмигрантам так или иначе приходилось вступать во взаимодействие с местной средой, причем не обязательно на почве научных вопросов. Так, в архиве сохранилось письмо историка С.Г. Пушкарева к именитому профессору-хирургу Арнольду Ирасеку (Arnold Jirásek; 1887–1960), в котором русский ученый сердечно благодарил за эффективное лечение тяжелой болезни, ставшей последствием ранения на фронтах Гражданской войны [51. Kart. 23. Inv. č. 1916].

Отдельные чехословацкие ученые неплохо знали Россию и русскую культуру, владели русским языком. Например, правовед К. Кадлец еще до революции познакомился с Н.В. Ястребовым, И.И. Лаппо, Г.А. Ильинским, а потом помогал им в пору жизни на чужбине. Среди тесно связанных с Россией чехословацких ученых, обнаруживаем не только славистов, вроде Любора Нидерле (Lubor Niederle; 1865–1944), но также крупнейшего ботаника Богумила Немеца (Bohumil Němec; 1873–1966), находившегося в тесных контактах с биологами-эмигрантами – В.С. Ильиным, П.Ф. Миловидовым, М.М. Новиковым. Мемуары Б. Немеца были опубликованы в 2002 г. сотрудниками архива по авторской рукописи. В них он много места уделял рассказу о своих контактах с русскими коллегами и русской культурной среде [56]. Вообще, в архиве имеется немало интересных биографических зарисовок чехословацких ученых об их русских коллегах, как-то – заметки геолога Радима Кеттнера о Н.И. и Д.Н. Андрусовых [52. Kart. 42. Inv. č. 2098, 2098a], записка механика Зденека Бажанта (Zdeněk Bažant; 1879–1954) «О русской технической литературе» [50. Kart. 18. Inv. č. 267]. Российско-чешские коммуникации в сфере естественных и технических наук относятся к категории малоизученных. Тем важнее обращение к материалам данного архива, который российские исследователи до сих пор обходят своим вниманием.

В Отделе документации Института истории искусств Чешской академии наук (Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR), хранится фонд Археологического института имени Н.П. Кондакова (Archeologický institut N.P. Kondakova), созданного в 1925 г. учениками и последователя знаменитого русского византиноведа, умершего накануне в Праге. Объем фонда велик – 63 коробки, а хронологические рамки охватывают весь период существования этой уникальной научной организации (с 1925 по 1952 гг.). Документы поступили в Академию наук после ликвидации института и передачи

всего его имущества чехословацкой стороне. В 1970-х гг. был проведен разбор и научное описание архива; в 1997–1999 гг. Л. Копецкой была сделана повторная инвентаризация. В составе фонда – уставные документы института, списки членов, стенограммы заседаний, тезисы докладов и сообщений, рукописи научных работ, деловая корреспонденция, фотографии, материалы о раскопках в Дур-Европос, фотографии икон и фресок из Болгарии и Греции. Внутри архива выделяются документы Н.М. Беляева, Н.П. Кондакова, Н.Е. Андреева, Д.А. Расовского и Н.Г. Яшвиль. Эти материалы открывают новые страницы из истории отечественного византиноведения, археологии, славистики. Но они также важны в контексте истории научных связей. Кондаковский институт был едва ли не самой интернациональной по характеру работы эмигрантской научной организацией. Он поддерживал партнерские отношения с учеными США, Великобритании, Франции, Венгрии, Германии и других стран. Следует обратить особое внимание и на письма от советских коллег, ибо до 1929 г. такое общение было возможным [4. С. 146]. Потому крайне интересны письма Д.Н. Айналова, Ф.И. Успенского и др.

Большие возможности для использования дают материалы архивов высших учебных заведений. Широкое русское научное представительство имело место в стенах Чешского высшего технического училища, также известного как Пражский Политехникум. В фонде «Ректорат» находятся личные дела русских студентов (Е. Калабин, К. Белоусов, Д. Астров, Ф. Малыхин и др.) и преподавателей (В.Н. Штейн, А.П. Фан-дер-Флит, А.С. Ломшаков). Отличительной чертой этого собрания является то, что в нем сохранились докторские диссертации, защищенные в стенах Политехникума русскими эмигрантами, например работа В. Уклеина «Воздух и свет в больницах» (1932), Д. Астрова «Измерение коэффициента тепловой мощности на внутренней стенке испарителя паровой турбины» (1937), Е. Калабина «Деревянные консольные конструкции крыши» (1939) и др. В архиве также хранятся изданные учебные программы курсов, по которым можно реконструировать педагогическую деятельность русских ученых.

Личные дела русских преподавателей имеются в Архиве Карлова университета (Archiv Univerzity Karlovy). Они сгруппированы по факультетскому принципу: природоведческий факультет (геолог Д.Н. Андрусов, математик Е.Л. Буницкий, астроном В.В. Стратонов, ботаник В.С. Ильин, зоолог М.М. Новиков), философский (философ Н.О. Лосский, историки А.В. Флоровский и А.А. Кизеветтер, искусствовед Н.Л. Окунев), медицинский (хирург Ф.Ф. Никишин), юри-

дический. Изучение материалов факультетских Советов профессоров и Академического сената позволяет понять механизмы избрания русских ученых на должности в университет, процесс обсуждения кандидатур. Это дает возможность внести важные уточнения в биографии отдельных лиц. Так было установлено, что, вопреки закрепившемуся мнению, почвовед П.В. Отоцкий никогда не преподавал в Карловом университете. Выясняется, что для русского ученого, как, впрочем, для иностранца вообще, продвижение по карьерной лестнице в университете было затруднено.

В фонде № 63 «Всестуденческий архив» (Všestudentský archiv) имеется сборник научных трудов участников Общества русских химиков в Брно (1925). В фонде № 29 «Юридический факультет» (Právnická fakulta Univerzity Karlovy) интерес представляет папка документов о Русском юридическом факультете, который организационно был автономным учреждением, но патронировался Карловым университетом. Особенно важны материалы о его работе в начале 1930-х гг., когда был прекращен набор студентов, но отдельные аспиранты еще завершали свои исследования.

В Архиве Карлова университета хранится также неописанный личный фонд психолога и поэта Федора Николаевича Досужкова (1899–1982) (№ 151; Dosužkov Theodor), ученика фрейдиста Н.Е. Осипова, сформировавшегося как ученый уже в эмиграции. В основном в нем представлены оттиски научных работ, программы конференций, отдельные документы по служебной деятельности. Материалов автобиографического характера, корреспонденции, фотографий и рисунков в фонде нет.

В Брно в Архиве Масарикова университета (Archiv Masarykovy univerzity v Brně) в факультетских фондах хранятся личные дела работавших там русских ученых – Р.О. Якобсона, Н.О. Лосского, Г.И. Ширяева, С.Г. Вилинского, М.А. Циммермана. Имеется в архиве и переписка, характеризующая русско-чешские интеллектуальные контакты. Упомянем письмо Н.Н. Дурново к лингвисту и диалектологу Франтишеку Травничеку (Trávníček František; 1888–1961). Знаменитый русский филолог обратился к нему 30 октября 1924 г. с просьбой об устройстве на работу в Брно («Надеюсь, что в течение ближайших месяцев мне удастся овладеть чешским языком настолько, чтобы читать лекции. Теоретически я и теперь знаю чешский язык сравнительно хорошо и читаю чешские книги свободно, и только отсутствие разговорной практики мешает мне самому говорить по-чешски <...> Вопрос о моей профессуре для меня является сейчас очень существенным, потому что на днях приезжает моя

семья, и мне необходимо теперь же решать, где нам поселиться») [41. Kart. 1. Inv. č. 37]. Дальнейшее выявление архивных сведений о Н.Н. Дурново представляется перспективной задачей. Схожие проблемы обсуждал в переписке с профессором Масарикова университета и директором Ботанического института Йозефом Подперой (Josef Podpěra; 1878–1964) Григорий Иванович Ширяев [40. Kart. 8. Inv. č. 479]. В фонде геодезиста профессора Богумила Кладиво (Bohumil Kladivo; 1888–1943) хранится биография геолога Дмитрия Николаевича Андрусова (1897–1976), список его научных трудов и оттиски некоторых из них [39. Kart. 7. Inv. č. 229].

Нуждается в глубокой проработке материал из Архива Менделова университета (Archiv Mendelovy univerzity v Brně), основанного в 1919 г. как Высшая земледельческая школа. Среди его студентов оказалось немало молодых русских эмигрантов, которые потом реализовали себя в сфере науки. В их числе был уже упоминавшийся ихтиолог Б.С. Костомаров. Среди русских ученых, работавших в этом высшем учебном заведении, чьи личные дела сохранились в архиве, назовем имена профессора-агронома В. Штейна, профессора А. Лепорского, доцента К. Мостового и др. Имеются и иные документы об их служебной деятельности, включая программы читаемых курсов, списки научных трудов, ведомости на получение жалования. Среди особо ценных и уникальных документов необходимо назвать тематический фотоальбом, составленный в июне 1929 г. русскими студентами Высшей земледельческой школы. Существенный вклад в изучение их деятельности вносит директор архива Алена Миковцова (Alena Mikovcová) [54].

В заключение обратимся к обзору архивных коллекций при библиотеках и музеях. В первую очередь следует упомянуть о рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге (Slovanská knihovna), в создании которой русские эмигранты принимали прямое участие. Отметим, что помимо хранения огромного количества печатных и рукописных материалов, библиотека выступает в роли крупного исследовательского центра, организуя конференции по истории русской эмиграции, издавая тематические библиографии и описи. Сотрудники библиотеки, включая ее нынешнего директора Лукаша Бабку (Lukáš Babka) и бывшего директора Иржи Вацека (Jiří Vacek), являются авторами ценных исследований по эмигрантской проблематике [6].

В Славянской библиотеке хранится несколько личных фондов русских ученых. Самым крупным из них является фонд историка Антония Васильевича Флоровского (1884–1968) [5]. Бумаги ученого

рассортированы по 50 архивным коробкам, в каждую из которых уложены соответствующие тематические папки (автобиографические материалы, переписка с отдельными персонами, переписка с организациями, выписки, рукописи работ и т.д.). Огромный интерес для исследователей представляет сосредоточенная в коробках № 2–18 обширная корреспонденция А.В. Флоровского, включающая как письма от частных лиц (№ 2–11), так и от организаций (№ 12–15). Хронологически она охватывает эмигрантский период жизни ученого, в особенности 1950–1960-е гг., и значительно дополняет аналогичные материалы московской коллекции в Архиве РАН. Динамика переписки наглядно демонстрирует интеграцию А.В. Флоровского в мировое научное сообщество. Когда в середине 1920-х гг. он начал заниматься изучением российско-чешских связей, то стал стремиться завязать деловые отношения с ведущими чешскими учеными. Впоследствии круг иностранных знакомых А.В. Флоровского постоянно расширялся. В архиве имеются письма Я. Бидло, М. Блока, Э. Винтера, Б. Гавранека, М. Гроха, В. Гусы, Э. Доннерта, З. Калисты, Й. Мацурека, З. Неядлы, М. Пауловой, Й. Полишенского, Н. Рязановского, Р. Сетона-Уотсона, В. Черного, М. Шванкмайера и др. Корреспонденция с коллегами-эмигрантами включает письма от Н.Е. Андреева, Г.В. Вернадского, П.Е. Ковалевского, А.С. Ломшакова, Е.П. Ляцкого, Е.Ф. Максимовича, С.П. Мельгунова, А.П. Мещерского, П.Н. Милюкова, В.Ф. Минорского, П.Н. Савицкого, Е.В. Спекторского, П.Б. Струве, В.А. Францева, М.В. Шахматова, Е. Ф. Шмурло и др. В собрании Славянской библиотеки сохранились и многочисленные свидетельства об активных связях А.В. Флоровского со своими советскими коллегами. После Второй мировой войны он активно устанавливает и развивает деловые отношения с ведущими советскими учеными [7, 9, 10, 11]. Например в 1947 г. он отправил несколько писем Н.Л. Рубинштейну, который, будучи до революции студентом Новороссийского университета, слушал его лекции. Если говорить о конкретных именах, то в архиве имеются письма М.П. Алексеева, С.С. Дмитриева, П.А. Зайончковского, А.А. Зимина, Б.Б. Кафенгауза, С.М. Каштанова, Л.П. Лаптевой, В.И. Малышева, А.С. Мыльниковой, А.А. Новосельского, Ю.Г. Оксмана, А.М. Панченко, В.Т. Пашуто, Е.П. Подъяпольской, В.В. Похлебкина, С.А. Фейгиной, А.Л. Хорошкевич, В.И. Шункова и др. Их содержание хорошо демонстрирует научную активность А.В. Флоровского, его желание публиковаться в советских изданиях, обмениваться информацией с коллегами, оно показывает высокий уровень информированности ученого о состоянии советской историографии.

Материалы фонда отражают характер научных интересов А.В. Флоровского, его исследовательскую работу в эмиграции. Они включают рукописи опубликованных и неопубликованных трудов по истории русско-чешских отношений, которые ученый активно изучал на протяжении всей жизни на чужбине, и истории Петра Великого, которую он начал разрабатывать после Второй мировой войны. Среди неопубликованных материалов следует назвать работы о пребывании Н.С. Лескова в Марианских Лазнях, русско-чешских связях в XIX в., российско-австрийских отношениях на исходе Северной войны, иностранной колонии в Петербурге в последние годы Петра Великого, русской миссии графа С.В. Кинского в 1721–1723 гг., русско-венгерских связях в период освободительной борьбы Ференца II Ракоци [14], русских католиках петровского времени.

В фонде А.В. Флоровского сосредоточены материалы различных эмигрантских организаций, в особенности Русского исторического общества в Праге, которое А.В. Флоровский возглавлял в 1937–1940 гг., РЗИА, членом Ученой комиссии которого состоял историк, Археологического института имени Н.П. Кондакова, последним директором которого ему было суждено стать после войны.

Достойны внимания материалы из небольшого по объему фонда византистки Марии Александровны Андреевой (1900–1949), чья ученая карьера началась уже в эмиграции. В 4 архивных коробках (162 единицы хранения) находятся ее автобиографические документы, материалы к диссертации «Очерки по культуре византийского двора в XIII веке», рукописи научных работ и подготовительные материалы к ним, фотографии, оттиски подаренных изданий, а также переписка с родными и коллегами, в том числе с Я. Бидло, Г.В. Вернадским, В. Златарским, А.В. Соловьевым.

Также в Славянской библиотеке хранится личный фонд лидера евразийцев Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) (267 единиц хранения в 23 архивных коробках). Документы хронологически охватывают, в основном, послевоенный период, то есть время от возвращения П.Н. Савицкого в Прагу в 1956 г. после заключения в СССР и до его смерти. На волне интереса к евразийству это собрание было неплохо изучено учеными, например письма Л.Н. Гумилева. Особую ценность представляет переписка с Г.В. Вернадским, Н.Н. Алексеевым, П.В. Сувчинским и др. Здесь же хранится так называемый «Евразийский архив», охватывающий период с 1922 по 1944 гг.

В фонде Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945) находятся рукописи его научных работ и материалы к ним, газетные вырезки,

лекции и выступления, как-то «Памяти Игоря Северянина», «Футуристы как школа», «Как писались романы Тургенева», «Мировые типы в русской литературе. Фауст, Дон-Кихот, Гамлет, Макбет, Король Лир» и др.

В отделе имеется большой массив неразобранных документов. К ним относится, например, корреспонденция Николая Николаевича Дурново (1876–1937), впервые изученная итальянской исследовательницей Франческой Фичи (Francesca Fici) [35]. Они примечательны не только тем, что обрисовывают картину коммуникаций внутри русской диаспоры, но раскрывают контакты с Советской Россией, об этом, к примеру, говорят письма от Г.Г. Дингеса [58. Т-А 0830/3742–3743], Г.А. Ильинского [58. Т-А 0846/3798–3812], А.М. Селищева [58. Т-А 0896/4002–4027]. Не описаны должным образом и бумаги Е.Ф. Шмурло, связанные, в основном, с его работой ученым корреспондентом Императорской академии наук в Риме.

Нельзя обойти стороной фонд русского заграничного исторического архива, в котором хранится обширная переписка с платными и добровольными корреспондентами по вопросам приобретения фондов, материалы по административно-хозяйственной работе, бухгалтерские документы, инвентарные книги, разрешения на использование фондов. Всего 81 коробка. Недавно его опись была издана [25].

В Архиве Национального музея (Archív Národného muzea) находится объемный фонд чехословацкого политика Карела Крамаржа (№ 228; Karel Kramář), который оказывал эмиграции всемерную поддержку [27, 28, 30. С. 419–463]. Например, он помог решить жилищный вопрос профессору Д.Д. Гримму [12, 43]. Пристальное внимание стоит обратить на письма к чехословацкому политику от русских ученых, например, от иммунолога С.И. Метальникова, историка С.Г. Пушкирева, правоведа П.И. Новгородцева, агронома И.А. Стебута, металлурга А.И. Глазунова, инженера Г.Г. Кривошеина, архитектора В.А. Брандта, теплотехника А.С. Ломшакова, философа И.И. Лапшина и др.

Литературный архив Музея национальной литературы (Literárni archív Památníku národného písenníctví), разместившийся под старинными сводами Страговского монастыря, также обладает обширной эмигрантской коллекцией. Ее составляют и личные фонды ученых. Одним из самых крупных является фонд В.А. Францева (№ 327; Francev Vladimír Andrejevič), начало изучения которого относится к середине 1960-х гг. В фонде хранится обширная переписка ученого с коллегами и деятелями культуры (В. Ягич, А. Ирасек, И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, Е.Ф. Карский, Н.К. Пиксанов и др.),

подготовительные материалы к научным работам и их рукописи. Особую ценность эти бумаги представляют для специалистов по истории славяноведения, славянских литератур, межславянских культурных связей. Другим примечательным фондом является коллекция документов Романа Осиповича Якобсона (№ 622; Jakobson Roman Osipovič), который хоть и был юридически советским гражданином, но был глубоко интегрирован в эмигрантский мир. Речь идет о 3-х коробках с документами, которые ученый был вынужден оставить в Чехословакии, покидая ее в 1938 г. Это не личный фонд в прямом смысле слова, но, скорее, круг документов, касающихся научных интересов Р.О. Якобсона. Потому в нем широко представлены подаренные ему работы по языкознанию, а также деловая переписка с В.Б. Шкловским, Б. Пильняком, Е.Д. Поливановым, а также с чехословацкими коллегами. Филологическую тематику продолжают фонды литературоведа Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942) (№ 998; Ljackij Jevgenij Aleksandrovič) и его супруги Видославы Ляцкой (1913–1991) (№ 997; Ljacká Vidoslava). Представленные материалы важны для изучения истории европейской славистики и литературоведения. Имеющаяся переписка (К.Д. Бальмонт, А.В. Флоровский, А.И. Куприн, Э. Ло Гатто, И. Поливка, А.М. Ремизов, В.А. Францев и др.) обрисовывает пути развития научных и культурных коммуникаций в эмигрантской среде. Представлены в Литературном архиве и материалы ученых-историков. Назовем личный фонд академика Никодима Павловича Кондакова (1844–1925) (№ 830; Kondakov Nikodim Pavlovič). В 13 архивных коробках представлена переписка ученого с Л. Нидерле, А. Мухой, Н.С. Трубецким, М.И. Ростовцевым, И.Е. Репиным, Э. Миннсом, фрагменты научных работ и материалы к ним, а, главное, дневники ученого за 1916–1925 гг.⁶ В объединенном фонде писателя Константина Александровича Чхеидзе (1897–1974) (№ 230; Čcheidze Konstantin Aleksandrovič) находятся материалы профессора Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933) и его зятя историка Евгения Филимоновича Максимовича (1894–1965). Среди них неопубликованные мемуары А.А. Кизеветтера «Мои тюрьмы», повествующие о его аресте и высылке из Советской России в 1922 г., критические статьи и рецензии, рукописи научных работ Е.Ф. Максимовича, а также отдельные материалы по истории Русского исторического общества в Праге.

⁶ Отрывки из них были недавно опубликованы [15].

Следует признать, что чешские архивисты прилагают немалые усилия для научного описания имеющихся материалов и доступа исследователей к ним. Национальный архив ведет работу по оцифровке всех имеющихся эмигрантских фондов и размещению их в свободном доступе. Но, увы, реальные возможности архивов не всегда отвечают потребностям.

Предпринятый обзор архивных материалов о российской научной эмиграции в межвоенной Чехословакии, конечно, не полон и далек от того, чтобы закрыть собой поставленную тему. Но он явно показывает, сколь много новых возможностей открывает углубленное изучение чешских документальных собраний. Причем тематически они выходят за сугубо эмигрантские рамки, раскрывая разные стороны российско-европейского научного диалога и трансфера научных знаний. Остается надеяться, что отечественные специалисты обратят на эти собрания пристальное внимание.

1. *Басаргина Е.Ю.* Археологический институт имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). По материалам архивов Праги // *Мир русской византистики*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 766–811.

2. *Ковалев М.В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // *Российская история*. 2011. № 5. С. 148–158.

3. *Ковалев М.В.* Русское историческое общество в Праге в годы Второй мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века* / Отв. ред. *Е.П. Сератионова*. СПб.: Алетейя, 2011. С. 403–421.

4. *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского государственного технического университета, 2012. 408 с.

5. *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия*. М.: Архив РАН, 2013. С. 131–138.

6. *Ковалев М.В.* Й. Вацек, Л. Бабка. Голоса изгнанников: периодическая печать эмиграции из Советской России (1918–1945). Прага: Национальная библиотека Чешской республики, 2009. 126 с. // *Российская история*. 2013. № 1. С. 219–221.

7. *Ковалев М.В., Латтева Т.Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...»: Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминим и Е.П. Подъяпольской // *Исторический архив*. 2014. № 4. С. 66–87.

8. *Ковалев М.В.* Евгений Францевич Шмурло: русская италянистика в эмиграции // Новая и Новейшая история. 2016. № 1. С. 164–157.
9. *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105.
10. *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 5. С. 84–97.
11. *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 6. С. 98–113.
12. *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм в эмиграции // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13–14. С. 82–92.
13. *Ковалев М.В.* Русский институт в Праге (1922–1938 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 121–134.
14. *Ковалев М.В.* Венгерские историки и русская академическая эмиграция: к постановке проблемы // Историческая русистика в XXI веке. Будапешт: Russica Pannonicana, 2017. С. 308–315.
15. *Кондаков Н.П.* Дневники (1922–1923). Фрагменты / Публ. Л. Копецкой и Ю. Янчарковой // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1. Прага: Slovanský ústav AV ČR, 2011. С. 251–316.
16. *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М.: Изд-во Академии горных наук, 2000. 437 с.
17. *Латтева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография. М., 1966. С. 204–246.
18. *Латтева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavica. 1966. № 1. S. 79–95.
19. *Левашко С.С., Ковалев М.В.* Русская акция помощи и архитектор Владимир Александрович Брандт в Чехословакии (1922–1944) // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2012. С. 325–332.
20. *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30.
21. *Павлова Т.Ф.* А.Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 28–37.
22. *Родионова Н.А.* Русский заграничный исторический архив в Праге: история становления и деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2015. № 4. С. 108–119.

23. *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб.: Б.и., 1999. 168 с.

24. Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918–1938: Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской Республике / Отв. ред. *В. Поданы* и *Г. Барвикова*. Прага: Euroslavica, 1995. 131 с.

25. Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / Сост. *Л. Бабка*, *А. Копришова*, *Л. Петрушева*. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2011. 564 с.

26. *Сабенникова И.В., Гентшке В.А.* Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014. 408 с.

27. *Сератионова Е.П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // *Родина*. 2001. № 1. С. 134–139.

28. *Сератионова Е.П.* Покровительница русской эмиграции // *Русское слово*. Прага, 2003. № 5. С. 16–17.

29. *Сератионова Е.П.* Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // *Славяноведение*. 2003. № 4. С. 60–65.

30. *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 511 с.

31. *Серковская Л.В.* Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // *Вестник архивиста*. 2011. № 2. С. 28–41.

32. *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // *Мир русской византистики*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–765.

33. *Ульянкина Т.И.* Михаил Михайлович Новиков, 1876–1964. М.: Наука, 2015. 549 с.

34. *Федотова А.А.* Павел Отоцкий: ученый в эмиграции или почему надо публиковаться на английском языке и в открытом доступе // *Наука и техника: Вопросы истории и теории*. Вып. XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. С. 117–118.

35. *Фичи Ф.* Архив Н.Н. Дурново в Праге (материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // *Славяноведение*. 2005. № 4. С. 96–109.

36. *Хорхордина Т.И.* Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 339–357.

37. *Хорхордина Т.И.* Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 212–235.

38. Archiv Kanceláře prezidenta republiky.

39. Archiv Masarykovy univerzity v Brně. № 46. Bohumil Kladiwo.

40. Archiv Masarykovy univerzity v Brně. № 61. Josef Podpěra.

41. Archiv Masarykovy univerzity v Brně. № 77. Trávníček František.

42. Archiv Ministerstva zahraničních věcí České Republiky. F. 28. II. sekce – politická. III. Řada.

43. Archiv Národního muzea. F. 228. Karel Kramář.

44. *Běloševská L.* Slovanský ústav a ruská emigrace // Slavia. S. 1999. T. 68. № 3–4. S. 467–470.

45. Emigrace z Ruska v meziválečném Československu: prameny v českých, moravských a slezských archivech / Sest. *V. Podaný* a *H. Barvíková*. Praha: Archiv Akademie věd České republiky, 2000. 490 s.

46. *Fedotova A.A., Hakkarainen J.-P., Hallberg L.* Additions to the Biography of Pavel Vladimirovič Otockij (Based on Archival Materials from Prague and Stockholm) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 2. С. 57–61.

47. *Kopecká L., Dandová M.* Nikodim Pavlovič Kondakov. Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví, 1995. 23 s.

48. *Kopecká L.* Archeologický institut N.P. Kondakova 1925–1952: inventář fondu. Praha: Ústav dějin umění AV ČR, 1999. 66 s.

49. *Laptěvova L.P.* V.A. Vrancev a jeho koncepce rusko-české vzájemnosti // Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica. 1964. № 3. S. 71–78.

50. Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Zdeněk Bažant. Kart. 18. Inv. č. 267.

51. Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Arnold Jirásek.

52. Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Radim Kettner.

53. Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Kamil Krofta.

54. *Mikovcová A.* Russische und ukrainische Wissenschaftler an der Hochschule für Landwirtschaft in Brünn // Wissenschaft im Exil: Die

Tschechoslovaicei als Kreuzweg 1918–1989. Praha: Výzkumné centrum pro dějiny vědy, 2004. P. 180–220.

55. Národní archiv ČR. Fond 746 «Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR».

56. *Němec B.* Vzpomínky. Praha: Archiv AV ČR, 2002. 644 s.

57. Ruská a ukrajinská emigrace v Československé republice 1918–1938: přehled archivních fondů a sbírek uložených v České republice / Sest. *V. Podaný, H. Barvíková* a kol. Praha: Archiv Akademie věd České republiky, 1995. 106 s.

58. Slovanská knihovna v Praze. Trezor.

59. *Syllaba T. V.A.* Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledom jeho činnosti. Praha: Slovanská knihovna, 1977. 130 s.

60. *Vinařová M.* Jevgenij Alexandrovič Ljackij. Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví 1976. 69 s.

61. *Zahradníková M.* Vladimír Andrejevič Francev. Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví, 1995. 37 s.

62. *Zahradníková M.* Konstantin Aleksandrovič Čcheidze, Sergej Jakovlevič Savinov, Michail Aleksandrovič Sukennikov, Aleksandr Aleksejevič Umancev, Valerij Sergejevič Vilinskij, Konstantin Konstantinovič Viskovatj. Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví, 1993. 23 s.

63. *Zahradníková M.* Vidoslava Ljacká. Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví, 1997. 15 s.

64. Zemský archiv v Opavě. F. Vysoká škola báňská.

M.V. Kovalev

RUSSIAN SCIENTIFIC EMIGRATION IN THE MIRROR OF CZECH ARCHIVES

The article analyses a corpus of archive documents concerned with the Russian scientific emigration of the 1920s to 1960s, deposited in the Czech archives, both central and regional. The author reviews the history of formation of documentary collections and documents acquisition, the composition of documents, and the distinguishing features of the respective finding aids. Particular attention is given to the materials that have never been researched into before. The paper describes the possibilities of using these archive documents in the studies on the history of the Russian scientific emigration and the Russian-Czech intellectual connections.